

ПОНЯТИЕ BARBARUS У РАННИХ РИМСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ)

Как известно, сочинения первых римских анналистов, написанные на греческом языке, дошли до нас не в своём первоначальном виде, а лишь в пересказах более поздних историков, писателей и даже христианских богословов¹. Ничтожное число отрывков воздвигает подчас непреодолимые заслоны между исследователем и объектом исследования. И, естественно, если поздний автор писал на латинском языке, то и выдержка или пересказ приводились на латинском же языке. Таким образом, нам представлен спектр цитированных фрагментов на протяжении около 700 лет (самый ранний — Цицерон, самый поздний — христианский богослов из Испании Исидор, VII век). Следовательно, перед нами находятся, увы, не сами фигуры римских анналистов, а их зыбкое отражение в зеркале переводческой добросовестности посторонних персон. «Грекоязычие» их с неизбежностью ставит вопрос об адекватности переводов на латинский язык, а отрывки, извлечённые из сочинений раннесредневековых христианских писателей, выявляют ещё один сложнейший аспект отношения образованных, допустим, испанских, христиан к языческому наследию. И отношения современного историка, и раннеримского искажаются каждый раз присутствием некой персоны, будь то Полибий, эрудированный Плиний Старший или христианский священник из Толедо. Восстановление реалий истории раннего Рима чем-то напоминает детективный поиск с булышим количеством абстрактных допущений, чем подтверждённых фактов. Скудость как сведений о жизни ранних римских анналистов, так и самих их сочинений заставляют историков идти на всевозможные ухищрения, чтобы хоть как то приблизиться к пониманию создателей легендарной римской истории и истории ранней Республики и изыскивать объяснения не только того, что сохранилось в текстах, но и толковать *вероятное* отсутствие фактов ли, терминов ли.

Итак, если мы внимательно будем читать эти немногочисленные фрагменты ранних римских историков, то с удивлением заметим, что все они при описании войн Рима вплоть до начала II в. до н. э. используют, если можно так выразиться, анти-эвфемизм, т.е., как правило, называют по имени каждое враждебное Городу племя или область вместо того, чтобы называть их таким привычным словом *barbarus*. Например: *Vulscus* (codd. *Isidori*. *Ad origines* IV.7.34), *Etruria* (*Arnobius* VI.7), *Cisalpina Gallia* (*Oros.* IV.13), *Ligustinus* (*Plin.* *Nat.hist.* X.71), *Poenus* (*Cic.* *De off.* III.32), etc.²

¹ Существуют всего два издания, объединяющие дошедшие фрагменты. Во-первых, это, конечно же, образцовый корпус *Veterum historicorum Romanorum relliquiae*. Lipsiae, 1870, подготовленный Германом Петером (*Hermannus Peter*). И, во-вторых, совсем новое издание *Chassignet M.*, *L'annalistique romaine*. P., 1996. T.I.

² Здесь, пожалуй, необходимо снова будет оговориться, что речь идёт именно о корпусе *дошедших* до нас отрывков. Не исключено, конечно, что в *самых* сочинениях это слово, может быть, и встречалось. Но мы лишены возможности владения этими текстами, поэтому остаётся лишь принимать урезанную данность как гипотетический факт.

Вопреки столь понятной уже сложившейся традиции, более поздние писатели и историки достаточно широко пользуются этим словом. Но события, ими описываемые, относятся именно к тому времени, в котором развиваются сюжеты у ранних римских историков. Например, при описании дел, совершённых Нумой Помпилием, Анний Флор сообщает (*Flor.* I.1.99 — 112): [...] haec omnia quasi monitu deae Egeriae, quo magis barbari acciperent. [...] *это всё как будто по указанию богини Эгерии, чтобы варвары лучше приняли.* Нетрудно догадаться, что под варварами здесь имеются в виду именно римляне.

Папий Стаций пишет (*Stat. Silv.* III.3.59), что

Sed neque barbaricis Latio transmissus ab oris

Но не переищёл в Лаций от варварских берегов.

Цицерон в своем трактате *De republica* (I.37.58), пожалуй, предельно четко формулирует желательный для римлян смысл этого слова:

“Cedo, num” Scipio “barbarorum Romulus rex fuit?” (Lael.) “Si, ut Graeci dicunt omnis aut Graios esse aut barbaros, vereor, ne barbarorum rex fuerit; sin id nomen moribus dandum est, non linguis, non Graecos minus barbaros quam Romanos puto.”

Сципион. Скажи, разве Ромул был царём варваров? — Лелий. Если, как утверждают греки, все люди либо греки, либо варвары, то он, пожалуй, был царём варваров, если же такое имя следует давать на основании нравов, а не на основании языка, то я не думаю, чтобы греки были варварами в меньшей степени, чем римляне (пер. В. О. Горенштейна).

В то же время у Тита Ливия слово это впервые встречается только в пятой книге (V.36.9). Каким же образом можно объяснить это тотальное молчание ранних анналистов? Уважением к военному противнику Рима? Неизбежной неполнотой цитирования у поздних авторов? В конце концов, незнанием этого слова? Или ещё каким иным способом?

Однако во второй половине III в. до н.э. в столь же немногочисленных отрывках римских поэтов слово *barbarus* всё-таки встречается. Так у Гнея Невия мы встречаем:

Quam nunquam vobis Grai atque barbari [...]

Кого для вас ни греки и не варвары [...]

Vos qui adcolitis Histrum fluvium atque algidam [...]

Живущие у Истра и холодную [...] (пер. М. Л. Гаспарова).

Эти два разрозненных отрывка, в которых, кажется, впервые встречается *barbarus*, приводит Цицерон (*Orator.* 152) для читателей, хорошо знакомых с творчеством Невия и поэтому они не закончены. И из контекста непонятно, о чём, собственно, идёт речь. Но по антитезе *варвар* — *грек*, понятно, что римляне ещё варвары. Следующий автор — Плавт (*Plaut.* *Faeneratrix*).

heus tu, in barbaria quod dixisse dicitur

libertus suae patronae, id ego dico <tibi>:

«Libertas salve, vapula Papiria».

Эй ты, говорят, что то, что я тебе скажу, сказал в варварской стране вольноотпущенник своей госпоже: “Да здравствует свобода, будь проклята Папирия”. И Секст Помпей Фест делает очень важное замечание (*Festus.* *De verb. signific.* 372.39): “In barbaria est in Italia.”

Asinaria, 11:

Demophilus scripsit, maccus vortit barbare.

Демофил написал, Макций перевёл на варварский язык

Trinummus, 19:

Philemo scripsit, Plautus vertit barbare

Филемон написал, Плавт перевёл на варварский язык

Bacchides, 121, 123:

O Lude, es barbarus [...]

О Люд, ты варвар [...]

Is stultior es barbaro Poticio [...]

Ты тот, кто глупее варварского Потиция [...]

Речь идет о том самом патрицианском роде Поттициев, один из которых, по легенде, приводимой Ливием (IX.29), во время цензорства Аппия Клавдия в 312 г. передал свои полномочия по устройству культа Геркулеса рабам, за что род весь и вымер, а сам Клавдий — ослеп. Следующий автор — Квинт Энний. Сохранившийся отрывок из его трагедии Андромаха (Androm. 84 — 94. Cic. Tusc. disput. III.44).

o pater, o patria, o Priami domus,

saeptum altisono cardine templum.

vidi ego te adstante ope barbarica,

tectis caelatis laqueatis,

auro ebore instructam regifice.

*О отец, о родина, о дом Приама, / О храм, защищенный громогласным
дверным крюком. / Я видела тебя, когда еще присутствовала варварская пыш-
ность, / По-царски оснащенным слоновой костью, оправленной в золото, / И
выгравированными наборными крышами.³*

Любопытно, что в этом примере под barbari Андромаха разумеет, судя по всему, именно противников троянцев, т.е. греков. Но, кажется, это единственное употребление этого слова в подобном смысле. И продиктовано оно, скорее всего, эстетическими соображениями. И, наконец, Цецилий Стаций. Отрывок из паллиаты Награзомеле (Похищенная):

Quid narras, barbare indomitis cum moribus,

Inlitterate inlex?

Что скажешь, по-варварски со свирепыми нравами,

О невежественный обольститель?

Ex incertis fabulis:

[...] nimis audacem nimisque bardum barbarum

[...] *слишком дерзкого и слишком варварского барда*

Следует отметить тот очевидный факт, что в III-II вв. до н. э. римская литература имела преимущественно переводной характер и употребление слова «barbarus»

³ Во имя точности пришлось отказаться от поэтического перевода, который сделал М. Л. Гаспаров: Отчизна, отец, Приамов чертог! / Ограда с дверьми, чей сладостен скрип! / Я вижу твой азиатский блеск, / Твой шуточный кров, твой богатый кров / В слоновой кости и золоте.

у поэтов частично обусловлено самим греческим оригиналом. Как известно, очень часто поэты использовали греческие слова, написанные по-латыни:

Diabathra in pedibus habebat, erat amictus epicroco.

На ногах у него диабатры, а укутан он был в платье из прозрачной ткани. (Naev. Цит. по Varro. De lingua latina. VII.53) Примеров не счесть.

И всё же можно сделать вывод, что слово barbarus впервые появляется в письменных источниках у поэтов во второй половине третьего века. Оно продолжает носить, несомненно, всё тот же полускорбительный характер или же полунасмешливый и римляне в своей собственной самооценке являются пока варварами. В более позднее время негативный смысл его не изменился:

At non contraria accusastis? peram et baculum ob auctoritatem, carmina et speculum ob hilaritatem, unum seruum ut deparci, tris libertos ut profusi, praeterea eloquentiam Graecam, patriam barbaram? (Apol. Apol. 25).

Как бы то ни было, но вы ставите мне в вину вещи прямо противоположные: суму и палку — как признак суровости, песни и зеркало — жизнерадостности; одного раба — как проявление скупости, трёх вольноотпущенников — расточительности; наконец, красноречие греческое, а родину — варварскую. (Пер. М. А. Кузмина.)

Думаю, полезно будет заметить, что впервые в нехудожественной прозе это слово замечено у Катона в дошедшем до нас небольшом отрывке из его трактата De medicina, посвящённом его сыну: *Nos quoque dicitant barbaros et spurcius nos quam alios Opicon appellatione foedant.* — Они (т.е. греки. — А.М.) нас также постоянно называют варварами и более других порочат названием Опиконы. Слово ὀπικόν с греческого языка переводится как опический, т.е. оскский, в переносном значении опять же варварский⁴.

Чтобы добавить остроты к пониманию этого слова добавлю, что у Лактанция (De mort. 5.6) мы встречаем следующее: *«in templo barbarorum deorum»*, где под варварами, естественно, имеются в виду, как греки, так и римляне, т.е. оно является синонимом к слову язычники (paganus, gentilis)⁵. И исходя из вышесказанного видно, что слово barbarus претерпело невиданную метаморфозу, от слова, обозначающее всё не-греческое, через слово, означающее всё не-греческое и не-римское, к слову, означающее именно греческое и римское. Как же объяснить парадокс отсутствия barbarus у анналистов и парадокс присутствия у поэтов в одно и то же время?

Конечно же, нельзя исключить, что элементарная недостаточность цитирования может объяснить сложившееся затруднение. Но, скорее всего, именно негативная окраска этого слова, относящаяся ко всему не-греческому уже изначально, внутренняя неопределённость самодостаточности образованных римлян второй половины III века — всё это вкупе заставляло ранних римских историков чураться этого слова, отличая зная первоначальный обидный им его смысл. Не следует пренебрегать и тем, что крамольная бытовизна barbarus противоречила

⁴ См.: Ernout A. et Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. P., 1939. P. 703. См. Также: Petrochilos N. Roman attitudes to the Greeks. Athens, 1974. P. 141 — 143.

⁵ Ernout A.; Meillet A. Op. cit. P. 103.

суровому духу ранних римских летописей, выросших из анналов, составлявшихся римскими жрецами.

Таким образом, в данное время мы наблюдаем специфическую картину, когда Рим на некоторое время был как бы «выключен» из антитезы «варвары — не-варвары». Когда именно Рим становился неварварским центром (*Nos sumus Romani, qui fuimus ante Rudini. Мы нынче римляне, кто были до этого рудинами*. Эний). Но этот краткий «выпад» из двуполярного мира вскоре будет преодолен как на официальном, так и на бытовом уровне ко времени разрушения Карфагена и захвата Греции.

А. П. Беликов

РИМ И ПАРФИЯ: ИСТОКИ ВЗАИМНОГО НЕПРИЯТИЯ

1. Римско-парфянские противоречия долго оставались главной проблемой восточной политики Римского государства. Причины этой вражды обычно усматривают в политических, экономических, и даже «торговых» мотивах. При этом, как нам представляется, не учитываются факторы другого порядка, прежде всего психологические.

2. Строго говоря, парфяне не были варварами: у них была зрелая государственность, развитая культура, унаследованные от ахеменидской Персии. Однако римляне первое время никак не выделяли их из череды других восточных народов, да и позднее всегда воспринимали парфян как варваров, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

3. Парфия в начале I века до н. э. испытывала серьезные внешнеполитические затруднения: на востоке на нее давили кочевые племена, на западе набирающая силу Армения стремилась расширить свои пределы за счет парфянских земель. Это вынуждало парфянских царей искать сильных союзников. Таким союзником мог стать Рим, поскольку он имел общих с Парфией врагов. Казалось бы, сложились благоприятные условия для союзных, или, как минимум, добрососедских отношений двух держав.

4. Однако исторический шанс был упущен, парфяне, напротив, стали злейшими врагами римлян, причем исключительно по вине самого Рима. Первый официальный контакт двух народов (парфянское посольство к Сулле с просьбой о дружбе и союзе) закончился унижением Парфии. Позже Лукулл, заключив устное соглашение с парфянским царем о нейтралитете, сразу вслед за этим собрался начать против него войну. Затем Помпей силой вытеснил парфян с территорий, которые он сам же обещал передать Парфянскому царству. Наконец, Красс совершил неспровоцированную агрессию против Парфии, в результате чего началась открытая вражда двух соседей. Цезарь планировал отомстить парфянам за поражение Красса, а Антоний безуспешно воевал с ними в Атропатене.

5. Все эти полководцы были не похожи друг на друга, но политику по отношению к Парфии они проводили совершенно одинаковую — неуважитель-